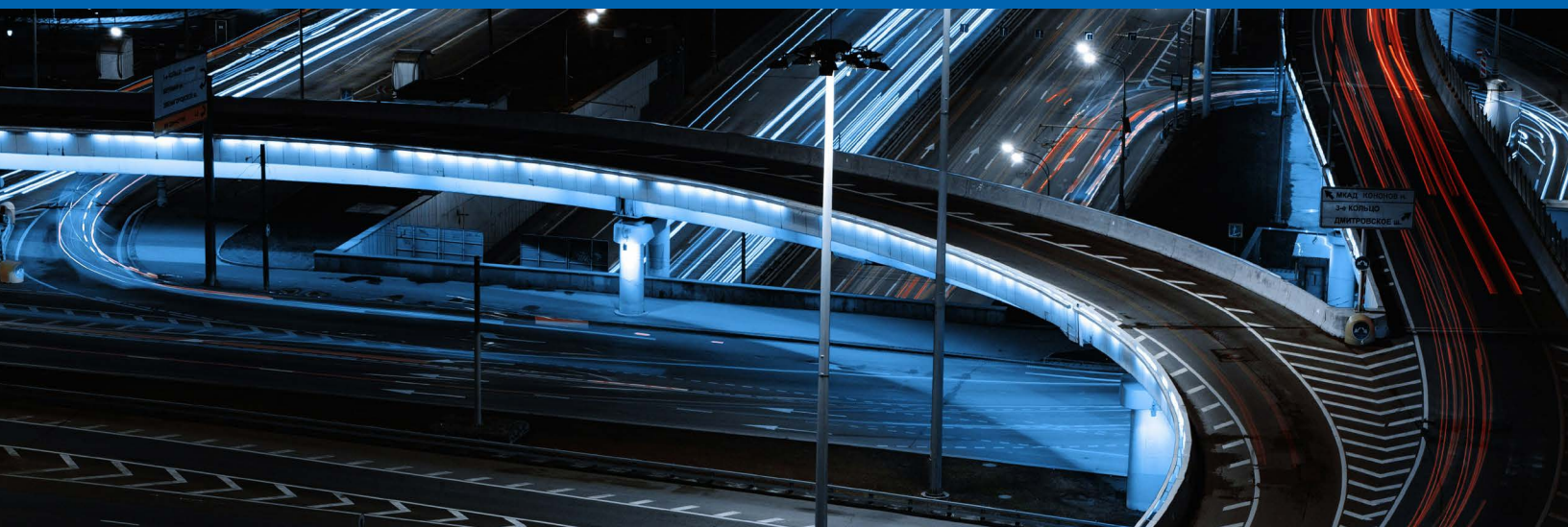

Проект «Транзит»

Сценарии демократического транзита

 FREE
RUSSIA
FOUNDATION

2024

**Василий
Жарков**

**Николай
Петров**

При каких обстоятельствах может произойти крушение путинского режима, что придет ему на смену и при каких условиях возможен поворот к демократии? В данной главе мы рассмотрим лишь те базовые сценарии смены режима, которые смогут в дальнейшем привести страну к старту демократического транзита. Эти сценарии построены, исходя из общей международной и российской практики смены персоналистских диктатур. Эти режимы заканчиваются обычно в результате смерти диктатора (смерть Сталина в СССР и Франко в Испании), верхушечного переворота (Португалия, страны Африки) или народного восстания (Филиппины, арабская весна).

Вначале предлагаем рассмотреть три сценария в изолированном «чистом» виде, далее подробно остановимся на том, что нужно, чтобы в каждом из них мог реализоваться поворот к демократизации.

Три базовых сценария

Первый сценарий — **народное восстание**: люди выходят на улицу, начинаются столкновения с полицией, полиция не справляется, происходит захват власти, смещение нынешних элит. Вероятность наступления такого сценария по состоянию на весну 2024 г. очень невысока. Большая часть окололиберальных оппозиционных организаций в настоящее время запрещены на территории Российской Федерации, а их лидеры выдавлены в оппозицию. Если в России случится восстание, оно скорее будет проходить под радикальными левыми или ультраправыми лозунгами по аналогии с мятежом Евгения Пригожина в июне 2023 г. С большой долей вероятности ослабление центральной власти в результате такого восстания приведет к усилению и выходу на передний план региональных элит и лидеров, которые по аналогии с 1990-ми гг. будут стремиться к автаркии. Если в столице не найдется убедительного лидера и возглавляемой им силы, способных объединить страну на новых основаниях, неизбежно усиление сепаратизма по крайней мере в значительной части российских регионов.

Второй сценарий — **верхушечный переворот или внезапная смерть диктатора** в результате плохо верифицируемых причин. Стимулом такого переворота может стать растущая в элитах тоска по «путинизму без Путина», о которой [говорит](#) Никита Савин, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки): «Представление о том, что в путинизме было много хорошего и, если бы не война, этот режим мог бы пережить своего создателя и постепенно демократизироваться, сегодня все больше охватывает умы тех, кого в целом устраивало положение дел до февраля 2022 г. Война ... превратила Владимира Путина в главную угрозу путинизму. Неопутинизм может объединить условных олигархов, государственную бюрократию и граждан, которые устали от войны и экономических трудностей, но не готовы к радикальным переменам». В сегодняшней России происходит форсированная демодернизация, что проявляется в систематическом и циничном нарушении права, постоянной возгонке наиболее мрачных идей в публичном пространстве и упадке городского образованного класса. Это деморализует значительную часть элит, не говоря уже о фрустрации узкого образованного слоя общества. Ощущение дискомфорта, угрозы сложившемуся порядку создают предпосылки для «обратного отскока» — желания развиваться иначе. Это сценарий предполагает постепенную либерализацию по аналогии с переходом к «коллективному руководству» в 1950-е гг., осуждением «культы личности» и освобождением политзаключенных.

Третий сценарий Василий Жарков, историк и приглашенный лектор Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе, называет **«эффектом баобаба»** — внешне устойчивая путинская система рухнет под собственной тяжестью, так как изъедена внутри коррупцией и моральным разложением госслужащих.

Возможные пути к демократии

Народное восстание в условиях растущих репрессий и «цифрового ГУЛАГа» не слишком вероятно. Тем не менее его нельзя полностью сбрасывать со счетов. Опыт Румынии 1989 г., в частности, показывает возможность внезапного выхода на улицы многих тысяч людей и их успешного сопротивления, несмотря на открытый террор. Сегодня российские власти делают все, чтобы не допустить этого сценария. Путин лично травмировал событиями народной революции в ГДР 35-летней давности и постоянно принимает превентивные меры против их повторения в России. Насколько успешными окажутся его попытки, покажет история. В любом случае во главе восставших встанут скорее лево-демократические, чем праволиберальные силы. К этим людям обращается сейчас Фонд борьбы с коррупцией Алексея Навального, завоевывая новые аудитории внутри России. В российском обществе существует скрытый запрос на создание свободного и справедливого государства — в [главе 11 «Как обеспечить поддержку и доверие россиянам»](#) мы подробно говорим о том, как вовлечь общество в процесс реформ.

Как только люди поймут, что участие в политических протестах для них безопасно с точки зрения возможного насилия властей, **возвращение широких масс в политику станет практически неизбежным**. И это станет в целом хорошей новостью, потому что демократизация невозможна без широкого участия максимального числа граждан. Демократия не может быть эффективно построена сверху, поэтому даже если перемены в стране начнутся не с массовых народных выступлений, они обязательно подключатся на следующем этапе. Этого сценария нужно перестать бояться представителям экспертного сообщества, потому что только он способен обеспечить успешный переход к демократической форме правления. Единственное «но» здесь связано с тем, что широкая народная поддержка может быть использована одной из сил для установления собственной политической гегемонии, как случилось с Ельциным в 1991 г. Поэтому **очень важно обеспечить многообразие политических сил в их борьбе за власть в опоре на поддержку улицы**. В таком случае вместо перехода к очередному режиму личной власти через эпоху новой «смуты» удастся начать успешное развитие устойчивых и результативных демократических институтов.

Чтобы сценарий **верхушечного переворота** смог воплотиться в жизнь, недостаточно тоски по раннему путинизму и неудобств, причиняемых санкциями. В условиях персоналистской диктатуры субъектности и агентности лишены не только общественные массы, но и элиты. Не имея почвы для сплочения и действия и находясь под пристальным присмотром спецслужб, они вынуждены плыть по течению и ждать часа, когда диктатор сам уйдет в мир иной. Диалог с разными группами в элитах и обществе, попытки их вовлечения в антипутинскую деятельность необходимы для успешного последующего транзита — мы будем подробно говорить об этом [в главе 10 «Властные коалиции»](#). Сегодняшнему **антивоенному движению в эмиграции необходимо думать над расширением своей социальной базы поддержки внутри страны** за счет диалога с теми слоями в элитах и российском обществе, которые скептически относятся к войне, но испуганы кажущимся им тотальным отторжением всего русского на Западе и вынуждены играть роль патриотов поневоле.

Шансы на демократизацию после смерти или смещения диктатора повышаются в случае «раскола элит», когда ни одна из действующих группировок оказывается неспособной к гегемонии и подчинению себе остальных. Эта ситуация вынуждает элиты договариваться, создавая и развивая для этого публичные институты власти на основе верховенства права и общественного контроля. Делать они это начнут по той причине, что в условиях отсутствия явной гегемонии одной из олигархических группировок и увеличения числа акторов за счет включения в борьбу региональных элит и средних слоев бюрократии и бизнеса для решения спорных вопросов им будет мало кабинета диктатора, где раньше хватало места для встречи условных семи крупнейших бизнесменов при власти. Чтобы балансировать интересы и власть многочисленных групп и игроков, будет уже недостаточно простого сговора. **«Борьба бульдогов под ковром» будет неизбежно вынесена в публичное пространство, и для ее модерации потребуются не «слово пацана», а понятные и приемлемые для всех сторон законы и процедуры.** Власть, будучи выведенной из кремлевских кабинетов, станет публичной. Так появится прагматический запрос на демократические институты — парламент и политические партии, которые станут ареной открытого балансирования и согласования интересов разных групп влияния. Споры о собственности и прочих бизнес-интересах будут также решаться в судах. Все вместе создаст запрос на развитие институтов действенной судебной и исполнительной власти, который будет немедленно удовлетворен в силу чисто прагматических

причин.

Теперь посмотрим на **сценарий обрушения системы** в силу естественных причин. Структура «баобаба» российской государственности на самом деле поддается политическому анализу, и его будущее можно предсказывать с известной степенью достоверности. Мы можем оценить, насколько истлела его сердцевина. Мы можем также предположить, что останется невредимым после того, как система прогниет окончательно, то есть реализуется «эффект баобаба». Этот анализ позволяет нам увидеть в будущем возможный гибрид сценариев верхушечного переворота и обрушения текущей (обреченной) путинской системы в силу естественных причин.

Николай Петров, политолог, экономический географ, приглашенный исследователь Фонда «Науки и политики» в Берлине, предлагает разделить «баобаб» на «сердцевину» и «кору», выделить две модели государственного управления — условно путинскую, которой он дает не более пяти лет, и условно технократическую, или мишустинскую. Эта технократическая система заслуживает пристального анализа.

Технократическая управленческая модель появилась с приходом Михаила Мишустина в правительство в 2020 г., развилась и укрепилась в ситуации пандемии и получила дальнейшее развитие во время войны. Ее экспансии способствовала сначала самоизоляция Путина, а потом его сосредоточенность на войне и внешней политике. Новая модель постепенно прорастает сквозь старую, все менее активную и дееспособную.

В выдыхающейся на наших глазах путинской модели ставка делается на влиятельных корпоративных боссов и на силовую ресурс (страх). Она стоит на силовиках и на чеболях — госкорпорациях, напрямую подчиненных автократу, неэффективных и выполняющих любые задачи, спущенные сверху. На все важные должности президент назначает ничем не выдающихся людей, непопулярных даже в собственных корпорациях. Делается это для того, чтобы топ-менеджеры не могли опереться на свои корпорации и продолжали зависеть от назначившего их первого лица страны. При этом недовольные своим непосредственным начальником сотрудники корпорации тоже сохраняют лояльность первому лицу по старому российскому принципу «царь хороший — бояре плохие». Это существенно вредит эффективности корпоративного управления, но вполне рационально с точки зрения задач поддержания власти Путина как верховного сюзерена системы. Для путинской модели характерны

сверхцентрализация, автономные системы сбора информации спецслужбами и контроль, осуществляемый через управляемые конфликты и репрессии. Форматов коллективного обсуждения и выработки решений в этой модели крайне мало и они не играют самостоятельной роли, поскольку все важные решения принимает один человек.

Технократическая (мишустинская) модель более институционализована и в несколько меньшей степени централизована. В ней возможно делегирование полномочий, ставка делается на командную работу со штабами, налаженными информационным обеспечением и обратной связью. Мишустин изначально пришел с командой вице-премьеров. Не имея полномочий на формирование своей команды министров, он на рубеже 2020 и 2021 гг. провел чистку и радикальное переустройство аппарата правительства под себя. По размеру и отчасти функционалу это теперь личный штаб премьера, «Большой премьер», подобно тому, как администрация президента является «Большим президентом». Разница в том, что «Большой премьер» в составе мишустинских вице-премьеров и аппарата правительства не исключительно моноцентричен и имеет встроенные форматы коллективной выработки решений, как, например, стратегические сессии правительства по ключевым направлениям. Он более динамичен и осуществляет экспансию как в отношении министерств через замены заместителей министров, то есть усиление аппарата правительства, так и в отношении регионов: это вице-премьеры, курирующие федеральные округа в качестве правительственных полпредов, система поездок премьера и вице-премьеров по стране, центры управления регионами. Для решения комплексных и срочных проблем имеются Координационный центр правительства и система отраслевых оперативных штабов.

Путинская модель основана на страхе и редких подачках, технократическая (мишустинская) – на позитивных стимулах и более тонком тюнинге. В результате наблюдается контраст в эффективности: у Путина и результаты хуже (война), и сбои (мятеж Пригожина). А то, что у него более или менее работает, относится скорее к новой технократической модели.

Итак, **когда путинская система рухнет, останется оболочка — технократическая система управления**, созданная за последние несколько лет под руководством молодых, умных и амбициозных

чиновников, эффективная, основанная на оперативных штабах и сборе информации, имеющая, в отличие от законсервированной внутри самой себя путинской системы, обратную связь. Технократы пришли к власти в прошлом десятилетии в существенно более сильной позиции, чем их предшественники, так как представляют собой команду. Речь идет о вертикали гражданского управления страной, понятной и прозрачной для граждан по системе одного окна «Мой документы», приложению «Мой налог» для самозанятых и т.п. Эта система эффективна и работоспособна в отличие от «сердцевины» в виде спецслужб и госкорпораций, пожирающих огромные ресурсы и не способных справиться с нарастающими вызовами ни внутри, ни во вне страны.

В случае с естественным крушением путинского «баобаба» технократы, если сумеют сохранить контроль над ситуацией, будут заинтересованы в установлении обратной связи с обществом через развитие демократических институтов и процедур как в необходимом шаге в достройке своей управленческой модели. Российские технократы, в отличие от своих китайских коллег, гораздо сильнее индоктринированы западной системой ценностей. Многие представители молодого поколения российских управленцев имеют опыт учебы и корпоративной работы в США и Великобритании, они привыкли вести западный образ жизни и свои персональные интересы связывают с Европой и Северной Америкой. Они вполне готовы к тому, чтобы достроить систему российского государства в соответствии с дизайном западной либеральной демократии.

Эти технократы с западным образом мышления не могут не понимать, что система управления, держащаяся на фигуре автократа, где все решается «в ручном режиме», крайне неустойчива и неэффективна. В нем слишком многое зависит от субъективных факторов — взглядов, настроения и даже психофизического состояния первого лица. Жизнь в такой системе плохо предсказуема и не гарантирует никакой определенности в отношении любого проекта в будущем. Технократы обычно заинтересованы в долгосрочном развитии и готовы инвестировать в будущее, если оно понятно и предсказуемо. Для того, чтобы избежать повторения случая отъема ЮКОСа у Михаила Ходорковского и текущего еще более широкого пересмотра итогов приватизации в России, они вынуждены отдавать должное нормам, правилам и институтам, обеспечивающим верховенство права, легитимность и прозрачность частной собственности и инвестиций в нее внутри страны.

Поэтому **они смотрят на демократию как на необходимый инструмент управления**, стремясь отсечь радикальные популистские силы, но при этом обеспечить политическое представительство большинства граждан, также заинтересованного в нормальном и прогнозируемом будущем. Демократия — последний камень в их конструкции, место которого занимает сейчас путинская прогнившая сердцевина. В случае ее саморазрушения технократы могут водрузить демократию на подобающее ей место. Поэтому им придется совмещать описанные сценарии на практике.

Трудно представить, чтобы описанные три сценария были реализованы в частом виде. Скорее наоборот, в действительности более вероятно совмещение их элементов. Например, в случае начала очевидного крушения путинской сердцевины политической структуры технократические элиты могут начать предпринимать активные шаги по смене власти. При этом стоит народу понять, что участие в массовых выступлениях перестало быть опасным сточкой зрения угрозы полицейского насилия и тюремного срока, что протестовать можно легально и свободно, как на улицы могут выйти десятки и сотни тысяч людей. Так уже происходило, когда власти оказывались не готовы к массовым протестам по не связанным с федеральной политической повесткой случаям (протесты локальных сообществ в Архангельской области, Екатеринбурге и Башкирии, в том числе экологические и против строительства, которое противоречило интересам жителей, в 2018–2024 гг.). Можно вспомнить и совсем недавние массовые протесты с массовыми задержаниями (после ареста Алексея Навального и начала агрессивной фазы войны), и многотысячные очереди за антивоенных кандидатов в президенты нынешней весной. Стремление людей заявить свою волю устойчиво. В случае, если оказавшиеся у власти технократы постепенно и хотя бы частично декриминализуют участие в массовых акциях, как было во времена Горбачева в 1988-1991 гг., уличная активность может возрасти резко и в общенациональном масштабе. **Таким образом элементы трех сценариев будут совмещены в одном — реальном.** Демократия и переход к ней невозможны без включения максимально широкого слоя граждан.

Итак, **движение России к демократии возможно только в случае крушения путинского режима в силу его ограниченной дееспособности и бесперспективности с точки зрения задач развития страны.** Рациональность выбора элит в пользу демократии обусловлена их стремлением к долгосрочным и понятным правилам игры, делающим предсказуемыми результаты их инвестиций и дающей долгосрочные

гарантии неприкосновенности богатств. Подобные гарантии можно получить только в опоре на верховенство права, уважение и равенство всех перед законом. Широкие общественные слои тоже потенциально заинтересованы в своей доле политического участия и расширении влияния на власть. Главное, чтобы ни одна из группировок элиты не использовала народную поддержку в целях установления гегемонии собственной власти. Поэтому очень важно, чтобы в политику максимально широкий вернулся политический плюрализм, который станет гарантией от узурпации власти одной из политических групп и создания устойчивых публичных институтов для согласования интересов и претензий на власть различных сегментов элиты и общества. Такой гибридный сценарий начала транзита выглядит идеальным с точки зрения необходимых результатов.

Задачи и временные горизонты оппозиции

Настроения внутри элит имеют решающее значение с точки зрения запуска демократического транзита. Заинтересованность в поддержке демократических преобразований со стороны широких общественных слоев критически важна для их успешной реализации и завершения. Поэтому оппозиции в эмиграции и внутри страны критически важно взаимодействовать по обоим направлениям: искать возможностей взаимодействия с конструктивными частями элит и пытаться вовлекать народные массы в широкое демократическое движение. При этом очень важно не забывать о международной поддержке демократизации России. Все три слагаемых должны составлять основу стратегии оппозиции в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Остановимся на этих трех слагаемых в отдельности.

После смерти автократа можно ожидать формирования коалиции, которая начинает распределять сферы влияния. «Я вижу сценарий 1953 г., — рассуждает Николай Петров. — Уходит вождь, возникает коалиция, которая в основном будет обеспечена сильной моделью управления и сильным премьером». Персоналистский режим по крайней мере на какое-то время сменяется более конкурентной моделью, в этот момент возникает окно возможностей для самых разных демократических

институтов. Это может привести к формированию коалиций через выборы (подробнее об этом мы рассказываем [в главе 9 о последовательности реформ](#)), попыткам новой власти найти союзников в среднем бизнесе, региональных элитах и т.п. **Институты же — будь то выборы, федерализм или местное самоуправление (все три необходимы для построения в России устойчивой демократии), — раз возникнув, обладают большой инерцией.** Если новой российской власти удастся фиксировать, закреплять демократические изменения, то примерно в течение десятилетия накопления этих практик и социального капитала мы сможем увидеть демократическую Россию.

Говоря о международной поддержке перемен, Николай Петров уверен, что российской оппозиции имеет смысл доносить до западных политиков свою позицию в расчете на то, что она попадет в общие пакеты мер. «Если мы считаем, что обязательным институциональным условием транзита в России является восстановление системы выборов и сменяемости власти, это можно вкладывать в уста западных политиков в момент, когда рациональные технократические игроки (условная команда Мишустина) придут договариваться с Западом о смягчении санкций», — считает эксперт.

Василий Жарков также полагает, что россияне в эмиграции могут пробовать влиять на формирование стратегии Запада в отношении России. Сейчас все сводится к тезису Кеннана о необходимости ее сдерживания — этот подход не слишком хорошо работал во времена холодной войны и тем более не будет работать в современном многополярном мире. Большой вопрос, остается ли он основным в определении долгосрочного внешнеполитического курса Запада в отношении России (по крайней мере многие «фабрики мысли» настаивают на продолжении политики сдерживания и после ухода Путина). Если это правда, такой подход к России можно признать недальновидным.

Политика сдерживания в случае с ситуацией второй четверти XXI в. может оказаться слишком ограниченной в своих реальных возможностях. Во-первых, сдерживание России было бы успешным только в случае, если бы к западной коалиции присоединились Китай и другие страны «глобального Юга». Поскольку ожидать этого в ближайшие годы не приходится, в цепи сдерживания возникает огромная брешь, через которую путинский режим ведет торговые и финансовые операции со всем миром, включая некоторых партнеров на самом Западе. Во-вторых, политика сдерживания служит стимулом для мобилизации внутри самой России. У путинского режима появляются дополнительные аргументы

для элит и общества, почему война с Западом неизбежна и нужно нести связанные с ней издержки. Точно так же, как политика сдерживания в конце 1940-х годов привела к холодной войне и мобилизации военно-промышленного потенциала СССР на несколько следующих десятилетий. Аналогичные действия сейчас могут привести к превращению России в осажденный и готовый к бесконечному продолжению и расширению боевых действий военный лагерь.

Наконец, политика сдерживания ослабляет перспективы демократизации страны, потому что в условиях изоляции и презумпции враждебности к каждому гражданину России, особенно с большими деньгами, ни российские элиты, ни российское общество не видят для себя смысла для борьбы с путинским режимом. Сдерживая текущие агрессивные действия России в Восточной Европе (в Украине и странах Балтии) и на Ближнем Востоке (в Сирии и Ливии), западному альянсу необходимо предлагать способным составить альтернативу путинизму силам внутри страны дорожную карту разрядки и выхода из новой холодной войны, устраивающую все стороны текущего противостояния». Россию надо встраивать в систему международных отношений (мы подробно говорим об этом [в главе 8 проекта «Транзит»](#)).

Проектируя демократическое будущее России, оппозиции в первую очередь необходимо искать диалога с основными общественными силами внутри страны. Это нужно делать на уровне как элит, так и народа в целом. Демократизация страны не может быть произведена сверху, без активного участия общества. Поэтому **главная задача оппозиции на сегодняшний день — исследовать возможности поддержки демократических перемен внутри страны** и содействовать силам, способным их осуществить на уровне каждого из возможных сценариев и при их соединении на уровне реальной практики. Поэтому так важно искать диалог со всеми возможными заинтересованными сторонами.

Российская оппозиция в своей программе должна стать ближе к интересам и чаяниям людей внутри страны. Это значит, что нужно внимательно изучить и удовлетворить массовый запрос на социальную справедливость. Лидерам оппозиции нужно перестать заниматься апологией реформ 1990-х, о которых в российском обществе сохранилась крайне негативная память. Напротив, необходимо принять концепцию, согласно которой путинский режим является прямым порождением, следствием и продолжением античеловеческой и жестокой по отношению к миллионам людей политики. Признать

несправедливыми итогами приватизации в России 30-летней давности и предложить компромиссный и справедливый для всех сторон способ выхода из тупика, когда единственной гарантией захваченных в частные руки национальных богатств страны служит режим личной власти Путина.

Демократизация страны невозможна без привлечения на сторону преобразований широких общественных групп, не только остатков среднего класса в крупных городах, но и широких беднейших слоев населения по всей стране. Российской оппозиции необходимо совершить лево-демократический поворот в своей риторике и политическом курсе — только это может обеспечить ей поддержку миллионов. **Во главу угла должны быть поставлены задачи преодоления нищеты и бесправия массы россиян, вынужденных прозябать под гнетом путинского режима без малейшей надежды на реальное представительство их интересов внутри страны.** Если оппозиция станет такой силой, которая сможет стать выразительницей народных чаяний, у нее появятся шансы на успех.

Инфраструктура протеста в России разрушена многолетними репрессиями. Однако гражданское общество в изгнании и внутри страны тренирует важные навыки солидарного политического действия, участвуя в образовательных и просветительских программах поддерживаемых западными донорами НКО, делая донаты оппозиционным общественным инициативам и медиа. А верхушечный переворот активизирует спящих «агентов перемен» в обществе. Поддержка улицы через массовые выступления может стимулировать элиты к более решительным действиям против диктатора.

Независимым исследовательским центрам на Западе нужно продолжать изучать настроения людей в России, их ценности, страхи, потребности. Образ будущего должен быть прост и понятен всем адресатам. При этом он не должен предполагать разрушения существующих норм, правил и институтов, скорее их совершенствование и постепенную трансформацию. Если разрушить все и сразу, получится не долгосрочная демократизация, а провал в хаос и на следующем шаге — очередной виток тирании.

Можно уже сейчас искать переговорщиков среди адекватных представителей элит. Социолог Social Foresight Group Анна Кулешова говорит, что к ней на интервью анонимно приходят и представители силовых ведомств, и судьи. «То, что люди, несогласные с войной, есть на нижнем уровне этих структур, позволяет надеяться, что есть они и на верхних. Сейчас и для элит, и для рядовых россиян демократия не так уж ценна,

она ассоциируется даже не с временным, а с постоянным ухудшением уровня жизни. Никто не понимает, что будет с ними после Путина; всем без исключения гражданам страны нужна гарантия нормальной жизни. **Если понимание, что после смены власти будет не хуже, а скорее лучше, станет повсеместным, маловероятный сценарий серьезных изменений окажется возможен.** Интерес к серьезным переменам есть, люди не заинтересованы в консервации путинизма». Чтобы распространять это понимание, можно использовать независимые медиа.

Сейчас довольно трудно прогнозировать временные рамки реализации каждого из трех сценариев. Эксперты, опрошенные при подготовке этой главы, скорее склоняются к мысли, что счет идет на годы. Первые симптомы «эффекта баобаба» проявляются уже сейчас, когда власти демонстрируют все меньшую способность защищать людей от зимних морозов, весенних наводнений и исламских террористов круглый год. Попытка мятежа Пригожина может повториться снова практически в любой момент с участием тех или иных групп силовиков. Народные выступления вероятны менее всего, по меньшей мере до тех пор, пока в элитах не появятся заинтересованные в поддержке улицы группы.

Единственное, что можно утверждать с уверенностью в настоящий момент, — исторически **существующий российский режим обречен, и чем раньше он падет, тем быстрее и успешнее может произойти процесс его демократизации.** Нынешний режим гораздо слабее предшествовавшего ему советского идеологически и структурно. Он сохраняется не столько благодаря своей мощи, сколько из-за недостаточной силы и организованности его противников. Так или иначе, если советский режим деградировал и двигался к своему распаду в течение 40 лет после Второй мировой войны, то нынешнему российскому режиму хватит для распада и 10 лет. Очевидные симптомы этого заметны уже сейчас. **У России без Путина есть шансы на нормальное будущее,** и во власти есть договороспособные группы. Входить с ними в контакт и предлагать им адекватную альтернативу нынешней модели «осажденной крепости» — значит работать на то, чтобы после ухода Путина государство как таковое сохранилось.